

Первый примарис / The First Primaris (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

**Первый примарис / The First Primaris
(рассказ)**

Автор	Аарон Дембски-Боуден / Aaron Dembski-Bowden
Переводчик	AzureBestia
Издательство	Black Library
Входит в сборник	Наследники / The Successors
Год издания	2018
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Сюжетные связи

Входит в цикл   [Копья Императора](#)

Следующая книга Сын мира штормов / Son of the Storm World
Копье Императора / Spear of the Emperor

Дьякон Вектрагос принес с собой на борт «Сглаза» частичку Беллоны. Помещение с черными железными стенами освещалось жаровнями, которые держали в вытянутых руках девы и воины, выкованные из такого же темного металла. Каждая из статуй была лишена глаз — их либо закрывала повязка, либо вместо них зияли пустые глазницы. Видимо, так диктовала какая-то неизвестная мне беллонская традиция. От жаровен поднимался серый дым и уходил через решетки воздуховода вверх, под сводами потолка. К мерному гудению вентиляторов примешивался тихий, нестройный рокот плазменных двигателей «Сглаза», работавших где-то вдалеке.

Персональная мастерская Вектрагоса была достаточно просторной, чтобы места хватало под все необходимое. В реальности же она больше напоминала свалку деталей, оставшихся от неоконченных проектов. Когда я впервые оказалась здесь, мне пришлось идти широким коридором, и по обоим его сторонам мне попадались то контейнеры, отмеченные серийными номерами и имперской аквилой, то разобранные блоки двигателей, то недоделанные энергопреобразователи... Если во всем этом и существовал какой-то порядок, то я, похоже, была такой же слепой, как статуи, потому что не видела его в упор, и просто следовала за высоким, худощавым дьяконом, безошибочно находившим путь сквозь весь этот хаос.

— Садись, — велел он мне, указав не на трон медике, а на обычное рабочее место инженера, окруженное схемами и комплектующими деталями.

Я расчистила себе место и уселась.

Задача Вектрагоса заключалась в том, чтобы извлечь из моего черепа правду, и он с энтузиазмом взялся за дело. Его дрели вгрызлись в кость, разблокировав внутренние крепления, находившиеся под кожей моего лица, а затем он ввел стерилизованный и трижды благословенный пинцет в мою глазницу. Вот здесь ему пришлось приложить немало усилий. Я почувствовала, как кости лица затрещали. Мой новый протез, конечно, не отличался таким изяществом, как предыдущий, великолепно исполненный терминус-глаз, но зато этот был куда прочнее.

Моя скула хрустнула под нажимом, и я закричала, но Вектрагос не обратил на это никакого внимания.

И после третьего щелчка мой левый глаз с хрустом покинул свое место.

— Ага, — удовлетворенно выдохнул дьякон.

Вторым глазом я разглядела шарик, сжимаемый пинцетом — от него тянулся пучок тонких проводочков, перемешивающихся с металлическими проволочками. Все вместе они выполняли функции настоящих зрительных нервов.

Восьмипалая рука Вектрагоса отдернула пинцет, и проводки с хрустом отсоединились. Краснота, съедавшая половину моего зрения, тут же сменилась чернотой, и я снова закричала.

— Больно? — спросил дьякон, хотя по его тону сложно было сказать, что его это сильно волнует.

— Не совсем.

Из решетки вокалайзера, установленной на горле Вектрагоса, раздался короткий, булькающий звук.

— Расплывчатый ответ. Неточная информация.

— Сложно сказать точнее. Сначала давление, затем — ничего. Не больно, просто холодно.

— Лишние данные, — ответил дьякон.

«А зачем тогда спрашивал?» — подумала я.

Он обращался с моим глазом осторожно, как с драгоценным камнем. Сначала Вектрагос опрыскал его святыми благовониями, а затем подключил провода к пощелкивающей машине, стоявшей сбоку, и я принялась наблюдать оставшимся глазом, как все, что я когда-либо видела, копируется в банк данных когитатора в виде разрозненных отрывков бинарного кода.

— Я изучал отчеты о процессе вознесения Вадхана, — сообщил дьякон.

Я кивнула.

— Тщательно, — добавил он.

— Понимаю, — откликнулась я. Большую часть его слишком длинного лица занимали семь разнокалиберных глазных линз, поблескивающих из-под капюшона, но я практически чувствовала, как он взбудоражен. Это было совершенно человеческое возбуждение, предвкушение грядущего открытия. Высокий, — двенадцать футов в высоту, — старший жрец, состоявший по большей части из роботизированных частей и механодендритов, радовался, как ребенок в ожидании подарка на именины.

— Эти сведения... — начал он было, и умолк, не в силах совладать с эмоциями — или что там их заменяло в его механическом сердце.

— Мой господин надеется, что они будут вам полезны.

Дьякон наблюдал за ползущими по экрану данными, и вокалайзер в его горле шелкал и тикал. Я так и не поняла, что означал этот звук — одобрение, неодобрение, или же Вектрагос попросту регистрировал все, что я видела. Он уже изучил информацию о подготовке к операциям — ее мы передавали в несколько этапов. Но сейчас ему в руки — наконец-то — попали все обещанные подробности.

— Мало кто из Копий согласится пройти Калгарийские ритуалы, — заявил дьякон, — а риски исключают массовый переход. При уравнивании всех факторов, эффективность от этих улучшений слишком незначительна. Но выбор, даже такой рискованный, несомненно повысит боевой дух.

— Хорошо. Так и должно быть. Моему господину повезло, что он пережил эти операции.

После этих слов Вектрагос воззрился на меня сверху вниз, мигот потеряв всякий интерес к бесценным сведениям. Он откинул капюшон, обнажив неожиданно человеческую голову, пусть и покрытую разъемами и с семью зелеными линзами вместо глаз, сияющими в полированных медных разъемах. А еще оказалось, что он улыбается, насмешливо скаля, по меньшей мере, сорок металлических зубов в неестественно широкой пасти. Изогнутый позвоночник вынуждал дьякона постоянно наклоняться вперед, придавая и без того властной позе хищный оттенок. Из-под одежд показались несколько конечностей, увешанных различными инструментами. Они защелкали в такт ритмичному лязгу, раздававшемуся из механической утробы Вектрагоса.

— Вы что, смеетесь надо мной, дьякон?

— О да, — три тонких щупа аккуратно коснулись металлических частей моего лица. — Ты упомянула удачу. Кошунство какое! Удача — это просто утешение для заблуждающихся. А ты смеешь вести богохульные речи об удаче здесь, в святом храме марсианской мудрости?

— Это просто выражение такое. Машинально вырвалось.

Он усмехнулся, одной рукой ковыряясь в настройках давления инструмента, вмонтированного в другое бионическое запястье, а затем наконец убрал щупы от моего лица.

— Извини, я просто дразнюсь, — сознался он, и, дотянувшись одним из механодендритов, почесал в затылке. — Это помогает убить время.

Вблизи от Вектрагоса пахло дымком оружия, перегретыми двигателями, кордитом, фицеллином, прометием — всеми теми химикатами, которыми обычно пахнет на поле боя.

По-своему эти запахи были так же благочестивы, как благовония, которыми несло от Карташа.

— Готово, — дьякон отключил мой бионической глаз от когитатора и пугающе быстро загнал его обратно в разъем глазницы. Я охнула, когда глаз с щелчком воткнулась на место.

— Трон Бога-Императора! — прошипела я и несколько раз моргнула, дожидаясь, пока зрение восстановится.

Вектрагос не обратил на мой дискомфорт никакого внимания. Он подался вперед, рассматривая бионический глаз и аугментированную глазницу.

— Драгоценное ты существо, а, Анурадха?

— Как и все илоты, — ответила я с некоторой гордостью.

— Ну да, конечно, — до странного медленно протянул дьякон, — но глаз, который тебе поставил Оуин — дешевая побрякушка. Если обстоятельства позволят, я заменю его кое-чем, более близким к исходным параметрам.

— Это было бы...

Из одного из его пальцев-инструментов вырвалась ослепительная вспышка, и мой висок словно проткнули раскаленной спицей.

— Ай, бл...

— На конце второй поворотной оси оставался сгусток жидкости, — сообщил Вектрагос, отстраняясь, — капля священной мази от моего очищающего спрея.

— Тр...

— Можешь идти, маленькая рабыня. Это был очень познавательный обмен информацией.

— Я илот, — кашлянула я, — а не просто рабыня.

— Сколько гордости из-за такой мелочи!

— Я же не обращаюсь к вам просто «жрец», когда вы — дьякон?

Вектрагос накинул капюшон обратно и втянул несколько рук обратно под одежду.

— Я постараюсь не забывать о твоём высоком положении во время наших будущих обменов, Анурадха.

Честное слово, как же он меня иногда раздражал.

— Я бы хотела обсудить с вами кое-что, дьякон, если позволите.

Он переплел пальцы четырех рук и снова улыбнулся во все сорок зубов — я разглядела их в тени капюшона.

— Ну да, конечно.

Я слезла с рабочего кресла и указала на когитатор, в котором теперь содержалась определенная часть моей памяти, записанная в несколько этапов.

— А с этими данными... вы сможете провести Калгарийские ритуалы над Сериваном?

Вектрагос помедлил. Все семь его искусственных глаз перефокусировались, диафрагмы сжались, а сами линзы светились изнутри. И мне показалось, что на меня уставились семь крохотных лазерных горелок.

— Ну... да, конечно? — негромко ответил он, и на этот раз это и впрямь был вопрос, а не суждение, приправленное сарказмом. Вектрагос посмотрел на меня, и на его измененном аугментикой лице обозначилась не совсем понятная мне эмоция. И только по некоторой растерянности в его поведении и по мягкости его голоса я поняла, что это было нечто, похожее на сочувствие.

— Ты удивила меня этим вопросом, Анурадха из Менторов.

«Больше не из Менторов», подумала я, но вслух не сказала.

— Скажи мне, рабыня — *илот*, — ты как-то по-особому относишься к капитану Серивану из Варгантисов?

— Я уважаю его, дьякон. Так это возможно? Вы можете это сделать?

Задав это вопрос, я невольно задумалась, не спрашивал ли уже об этом Вектрагоса сам Сериван.

— Для начала, позвол-ка я тоже кое-что спрошу, — ответил техножрец. — Почему ты об этом спрашиваешь? Ты полагаешь, что его жизнь — это муки? Или позор? Ты считаешь, что он не может смотреть на своих более совершенных братьев, не испытывая сожалений из-за своей инаковости?

— Нет, — поспешно ответила я, — Трон, нет. Никакого позора. Но да, мне грустно видеть, как он страдает. Я понимаю, насколько он ценен, но ведь он мог быть стать тем воином, которым и должен быть.

— Ну да, конечно, — кивнул Вектрагос. Его тон по-прежнему оставался таким же мягким. — Давай-ка я тебе покажу кое-что.

Он отвернулся и пошел на своих странных механических конечностях по одному из проходов между хламом и инструментами. Мы подошли с ним к другому столу, предназначенному для отображения многослойных гололитических проекций. Вектрагос отстучал что-то на рунической клавиатуре, и голубая поверхность стола засветилась.

— Сериван из Варгантисов, — произнес дьякон. Машинный дух проекционного стола откликнулся лязгом внутренних механизмов, и перед моими глазами возникло несколько десятков изображений, наслаивающихся друг на друга. Это кадры из био-медицинских отчетов о Сериване — пикты, снимки сканирования, наблюдения, пометки и визуальные записи, изображавшие капитана в движении, или наоборот, скованного креплениями в кресле пациента.

Пока Вектрагос рассортировывал изображения, откуда-то из глубин мастерской выплыл сервочереп, похожий на домашнего зверька, соскучившегося по вниманию хозяина. Дьякон досадливо отмахнулся от него.

— Вот, Анурадха, — сообщил он, вызывая один из внутренних снимков Серивана на передний план, и совмещая его с пиктом обнаженного торса. На обоих изображениях я увидела чудовищное искажение мускулов. На груди, спине и плечах виднелись черные металлические разъемы интерфейса, которым не суждено было когда-нибудь принять входящий сигнал от силовой брони.

Я вздрогнула, разглядев обширные пороки развития, о которых раньше только догадывалась. Вектрагос, заметив, как изменилось мое лицо, пошевелил пальцем, привлекая внимание.

— Твоему господину Калгарийские ритуалы давали возможность восстановить и усилить то, что и без того уже наличествовало в его организме. А в случае с Сериваном исправить и улучшить то, что сломано изначально, не получится. Это не повреждения, которые можно было бы исправить, и не раны, которые можно было бы исцелить. И это не тот материал, который можно было бы доработать. Улавливаешь?

Я посмотрела на снимки. В темноте мастерской они выглядели такими яркими, что у меня аж глаза заслезились. Ну, по крайней мере, один — тот, который все еще был человеческим.

— Нет, — неохотно созналась я.

Вектрагос, похоже, именно такого ответа и ждал, и потому ничуть не рассердился.

— Представь себе ребенка, родившегося с некоторой когнитивной недостаточностью, вызванной отклонениями во время беременности. Но эти отклонения у ребенка возникли не для того, чтобы их улучшали. Он просто таким родился. Да, по сравнению с ожидаемым результатом он будет выглядеть бракованным — но и с таким браком он вполне жизнеспособен. Это не *изъян, который надо исправлять*.

— Но вы могли бы попробовать.

— Что попробовать? И как? — дьякон снова переплел двадцать пальцев, складывая руки в многоэтажную пирамидку. — Да, настолько дефективного ребенка можно основательно киборгизировать. Можно вживить ему когнитивные усилители в череп. Но ты по-прежнему упускаешь суть, Анурадха. Во-первых, изначально дефективный организм с большой долей вероятности отторгнет все эти технологии, во-вторых, даже в случае успеха от исходной личности почти ничего не останется. Если тебе нужно, чтобы ребенок соответствовал конкретному генетическому шаблону, то единственный путь — вывести нового, чтобы заменить дефективного. Вот Сериван — это как раз такой ребенок. Я не могу его починить, потому что он не сломан и не ранен. Да, он бракован, если сравнивать с ожидаемым исходником. Очень сильно бракован. Слишком сильно, чтобы это можно было исправить Калгарийскими ритуалами, поскольку они являют собой поправки к идеальному исходнику. А он, по-хорошему — другой исходник. Менее совершенный, возможно. Но не испорченный.

Он ненадолго умолк, накладывая внутренние снимки Вадхана на снимки Серивана. Разница между

организмами обоих воинов оказалась просто колоссальной.

— Вот, Анурадха из Менторов. Теперь ты видишь?

— Думаю, да, — мое сердце сжалось. Я была так уверена, что это хоть как-то поможет.

— Я уже не раз предлагал ему почти полную механизацию тела. Он отказывается. Не хочет, как он сам говорит, становиться беллонской машиной с разумом человека. Он желает оставаться Копьем, космическим десантником, даже со всеми своими недостатками. Ты опекаешь его, — заметил Вектрагос беззлобно, — и Серивану из Варгантисов это вряд ли понравится.

— Ничего подобного, — ответила я, прищурившись.

— Ну *да, конечно?* Без всякого злого умысла. Без умысла вовсе. Но ты определенно это делаешь. Я и сам раньше это делал, Анурадха.

Отозвавшись на какую-то невысказанную команду, один из глаз-линз Вектрагоса вспыхнул, проецируя гололитическое изображение. Оно заполнило зал, и в воздухе возникли два голубоватых сияющих силуэта. Передо мной разворачивалась призрачная сцена из воспоминаний дьякона.

Совсем рядом от меня стоял Сериван, одетый в свою привычную униформу, неловко прижимающий к груди искалеченную руку, опирающийся на стол, чтобы снизить нагрузку на искривленные ноги. Его голос раздался не из уст призрачного силуэта, а из аудиопроигрывателя в глотке Вектрагоса.

— То есть, ты превратишь меня в конструктор, ага? Штуку с металлом вместо костей и маслом вместо крови. — Голубоватые татуировки, змеившиеся по его вискам и скулам, танцевали в свете огня жаровен. — Мне не нужно ничего и никому доказывать, Вектрагос. У меня есть «Сглаз», я заслужил его и теперь исполняю свой долг у него на борте.

— Вы неверно истолковали мое предложение, — прозвучала в ответ запись голоса самого дьякона. — Кибернетизация однозначно не подходит, с этим я спорить не буду. Но пересадка вашего разума полностью в боевой автоматон может принести результаты.

— Результаты, которые мне не нужны, — неожиданно издевательским тоном протянул Сериван.

— Вы сможете сражаться плечом к плечу со своими братьями.

На искривленном лице промелькнула боль. Промелькнула и тут же сгнула, но все же недостаточно быстро. Сериван усмехнулся и похромал куда-то прочь, аккуратно огибая все незаконченные механизмы. Остановившись возле лотка с углями, он пошерудил в нем прутом, заставляя кузнечные угли полыхнуть ярче.

— В качестве машины? Эдакой позорной имитации дредноута? Ты хотел бы обречь меня на смерть ради пародии на жизнь?

— Я бы хотел, чтобы вы сражались, как воин, — настойчиво повторил Вектрагос. Я удивилась тому, с какой заботой это было сказано. С каким беспокойством. Беллона и Неметон делили одно небо на двоих, и их народы столетиями сражались вместе, бок о бок. — Мои солдаты-скитарии не перестают быть воинами из-за аугментирования, — продолжил дьякон. — И не превращаются в боевых автоматонов.

Сериван не стал поднимать глаз, демонстративно сосредоточившись на разжигании огня.

— Я — Копье, — ответил он. — И мой ответ — нет.

— Что ж, хорошо.

Сериван улыбнулся половиной рта, и его искривленная челюсть хрустнула.

— Впрочем, ты можешь повторить свое предложение как-нибудь при случае, если вдруг меня приговорят к заключению в саркофаг дредноута.

— Как пожелала...

Призрачные образы сгнули, и перед моими глазами снова разлилась блаженная темнота.

— Как ты сама только что увидела, — добавил Вектрагос, — Первого Примариса все устраивает, если можно так выразиться.

— Ладно, я все поняла, — ответила я и почтительно поклонилась. — Благодарю за уделенное время, дьякон Вектрагос.

Он лишь отмахнулся.

— Подобные вопросы делают тебе честь, Анурадха из Менторов, — дьякон помедлил, а затем его щеки — единственное, что осталось от его человеческого лица, — изогнулись в некое подобии улыбки.

— Что вас развеселило, дьякон?

— Ты уже выбрала племя? На твоём лице по-прежнему нет узоров, а это — как тебе уже наверняка рассказали, — ставит тебя на один уровень с малыми детьми.

— Еще нет, — ответила я. — Но я подумывала о том, чтобы попросить себе место среди Араканиев.

— Ну конечно же. Рабыня каннибалов? Вы только подумайте! Но при определенной доле удачи это может разозлить Морканта. А разозленный боевой страж — это зрелище, вполне стоящее усилий.

Я картинно схватилась за сердце, якобы оскорбившись, и окинула взглядом мастерскую.

— Разговоры об удаче? Здесь, в святом храме марсианской мудрости?

Вектрагос хохотнул. Звук вышел такой, словно триксианский карнозавр прокашлялся.

— Честно говоря, я никогда не совершал паломничество на Марс, — сознался дьякон. — Может быть, однажды. Если, конечно, к тому моменту, когда Великий Разлом затянется, Марс все еще будет существовать. Так что насчет моего вопроса? Хотелось бы услышать честный ответ, если не возражаешь. Для нас, беллонцев, деление на племена не имеет особого значения, но мы уважаем ценности наших диких неметонских родичей. А подобные вещи Копья принимают к сердцу особенно близко.

Мои глаза все еще не совсем синхронно моргали, и я подержала их закрытыми пару секунд, надеясь, что, когда я открою их обратно, то станет получше.

Не стало.

— Сериван предложил мне присоединиться к Варгантисам, — созналась я и, извинившись, поспешила напомнить, что мне лучше вернуться к своим обязанностям и помочь Вадхану подготовиться к грядущей битве. Но линзы глаз Вектрагоса снова вспыхнули ярче.

— Вот это для меня тоже удивительно, — заявил он, подрагивая от металлического смеха, дребезжащего в его горле и груди. — Я так понимаю, добрый капитан уже простил тебе взрыв вортексной гранаты на борту его драгоценного корабля?

Я вздохнула.

— Вы такой же невыносимый, как владыка Бреак.

— Стараюсь, — ответил худосочный дьякон. — Бреак из Варгантисов в этом отношении — настоящий пример. А теперь возвращайся к своим делам, маленький илот, и передай Вадхану, что он должен отчитаться мне о корректировке брони до рассвета по корабельному времени.

Я пообещала, что передам, и добавила:

— Между прочим, дьякон, ему это имя не нравится.

Но Вектрагос уже углубился в залежи своего хлама, одному Императору известно что выискивая.

— Ну *да, конечно*, — откликнулся он, не оборачиваясь и не прерывая своих раскопок, — поэтому будь так добра, передай ему еще и то, что его предпочтения на ситуацию никоим образом не влияют, так что пусть привыкает. Можешь идти.

Я снова поклонилась, — дьякон этот жест опять-таки проигнорировал, — и ушла.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Первый_примарис_/_The_First_Primaris_\(рассказ\)&oldid=18866](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Первый_примарис_/_The_First_Primaris_(рассказ)&oldid=18866)

Эта страница в последний раз была отредактирована 26 февраля 2022 в 22:14.